

- Ivnev R. *Solntse vo grobe* [The Sun in the Coffin]. M., 1921 (bez paginatsii).
Poplavskii B. *Sobranie sochinenii: V 3-h tt* [Collected Works: in 3 Vols]. T. 1. Stikhotvoreniya [Vol. 1. Poems]. M., 2009.
Poety-imazhiny [The Poets-Imagists]. SPb., 1997.

ТРИУМФ ВОЛЬКИ: СТАЛИН И ЕГО ЭПОХА В СКАЗКЕ Л. ЛАГИНА «СТАРИК ХОТТАБЫЧ»

А.И. Куляпин

Ключевые слова: детская литература, контекст, Сталин, культ личности, репрессии.

Keywords: children's literature, context, Stalin, personality cult, repression.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-11

Сказка «Старик Хоттабыч» изначально задумывалась и создавалась, если воспользоваться терминологией У. Эко, как «открытое произведение». Упомянутая в авторском предисловии к изданию 1953 года «Сказка о рыбаке» из «Тысячи и одной ночи» (Лагин, 1953, с. 3)¹ – далеко не единственный источник Л. Лагина. В тексте много отсылок как к русским классикам и современникам (Пушкин, Гоголь, М. Зощенко, Ю. Олеша, Л. Кассиль и др.), так и к зарубежной литературе. В связи с «Медным кувшином» (1900) Ф. Энсти некоторые исследователи говорят чуть ли не о плагиате: «Лагин позаимствовал у Энсти не только основную идею, но и целые сцены, хотя, конечно, изменил время и место действия – теперь это Советский Союз тридцатых годов» [Хеллман, 2016, с. 390]. Тем не менее идейная ангажированность автора вынуждает читателя в первую очередь учитывать не литературный, а политический контекст.

Впервые сказка была опубликована в журнале «Пионер» в 1938 году (№ 10-12). А незадолго до этого «в мартовском номере журнала “Пионер” за 1938 год была напечатана передовица под названием “Приговор народа”. Таких материалов в тогдашней прессе было множество: только что закончился Третий московский процесс. Дети,

¹ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на текст Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.–Л., 1953.

как и взрослые, должны были разделить весь ужас произошедшего» [Глущенко, 2015, с. 126]. Таким образом, «волшебный старик» оказался «вписан именно в ту повседневность и столкнулся именно с теми сюжетами и обстоятельствами, в которых жили и взрослые, и дети того времени» [Глущенко, 2015, с. 133].

Хоттабыч безнадежно архаичен, несколько тысячелетий заточения в глиняном сосуде не прошли даром. Он абсолютно беспомощен в стране осуществившейся утопии. И лишь сталинскую политику массовых репрессий старый джинн мог бы понять и полностью одобрить, ведь сам он так же, как органы ОГПУ–НКВД, весьма склонен к чрезмерному, а зачастую и слабо мотивированному применению насилия. В этом отношении советский строй мало чем отличается от восточных деспотий [Wittfogel, 1957].

Хоттабыч рвется испепелить (превратить в жаб, воробьев или собак, продать в рабство и т.п.) учителей, официанток, милиционеров – словом, всех, кто, по его мнению, недостаточно почтителен по отношению к его юному повелителю. «– *Я должен наказать их, о Волька, – негодует Хоттабыч. – Порок должен быть наказан.*» «– *Не за что наказывать! Слышишь!*» – останавливает несправедливый гнев джинна Волька Костыльков (Лагин, 1953, с. 40). Лишь изредка, и чаще всего тайком от Вольки, Хоттабычу удается «репрессировать» того или иного «злодея».

В сказочном мире Лазаря Лагина зеркально отразились реалии советской действительности. В 1937–1938 годах среди интеллигенции широко бытовало мнение о непричастности Сталина к массовым репрессиям. Вождь якобы не знал о злодеяниях чекистов. Так и Волька не знает о том, что Хоттабыч «выслал» Женю Богорада в Индию, а узнав требует устранить несправедливость:

«– *Какой ужас! – Волька обеими руками схватился за голову. – Хоттабыч, ты понимаешь, что ты наделал?*

– *Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб всегда понимает, что он творит!*

– *Нечего сказать, понимаешь! Одних хороших людей непонятно почему собираешься превращать в воробьев, других продаешь в рабство! Нужно немедленно вернуть сюда Женьку!*» (Лагин, 1953, с. 55).

Хоттабыч и Волька – каждый на свой лад – пытаются перевоспитать друг друга. Влияние чародея с Востока на юного пионера могло бы стать пагубным, но Волька, к счастью, – это уже вполне сформировавшийся советский человек, глубоко впитавший заповеди морального кодекса строителя социализма. Хоттабыч, в нарушение второй заповеди Моисея, гласящей «Не сотвори себе кумира» (Исход,

20, 4), создает настоящий культ личности Вольки Костылькова, которому тот по мере сил противится. Правда, иной раз случаются сбои, и на Вольку накатывают приступы мегаломании. В одной из сцен, «изнывая от чувства собственного бессилия», Волька кричит окружающей его толпе: «– Я самый выдающийся отрок этого города! <...> Вы недостойны целовать мои пятки!.. Я красавец!.. Я ум-ни-ца!..» (Лагин, 1953, с. 76). Волька в этом эпизоде неприятно поражен тем, что он больше «не волен над своей речью» (Лагин, 1953, с. 76). Герой испытывает характерную для обитателя тоталитарного мира раздвоенность. В те мгновения, когда ему удастся вернуть контроль над собой, он произносит совсем другие слова: «– Товарищи!.. Граждане!.. Голубчики!.. Вы не слушайте... Разве это я говорю? Это вот он, старик, заставляет меня так говорить...» (Лагин, 1953, с. 76). Однако секунду спустя следует новая порция самовосхвалений.

А.Х. Омраан отметил типичность этой ситуации для культуры тридцатых годов, связав ее с психологическими комплексами самого автора сказки: «Во всех редакциях повести советский пионер, в имени которого откликается слово “воля”, призванный опекать и перевоспитывать старого джинна, становится послушным статистом в эпизодах, где он “не был волен над своей речью”. Это распределение ролей между могущественным сыном царя “злых духов” и человеком, рожденным “новым миром”, остающееся неизменным на протяжении всей истории текста повести “Старик Хоттабыч”, весьма красноречиво.

Драматизм положения человека, под давлением обстоятельств теряющего свободу над своей речью, несомненно, переживал и сам Л. Лагин, вновь и вновь перерабатывая повесть, первоначально созданную в период его пребывания на острове Шпицберген, куда его как сотрудника журнала “Крокодил” А. Фадеев отправил в командировку, чтобы спасти от ареста» [Омраан, 2012, с. 14–15].

Согласно официальной версии обожествление Сталина произошло вопреки его воле. Более того, подчеркивается, что Сталин, «в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромен» [Фейхтвангер, 1937, с. 50]. В беседе с Л. Фейхтвангером в Кремле (8 января 1937 года) Сталин рассказал о своем желании прекратить те «формы проявления восторга», которые, «смущают» его заграничных друзей:

«Я пытался несколько раз это сделать. Но ничего не получается. Говоришь им: нехорошо, не годится это. Люди думают, что это я говорю из ложной скромности.

Хотели по поводу моего 55-летия поднять празднование. Я провел через ЦК ВКП(б) запрещение этого. Стали поступать жалобы,

что я мешаю им праздновать, выразить свои чувства, что дело не во мне. Другие говорили, что я ломаюсь. Как воспретить эти проявления восторгов? Силой нельзя. Есть свобода выражения мнений. Можно просить по-дружески.

Это проявление известной некультурности. Со временем это надоест. Трудно помешать выражать свою радость. Жалко принимать строгие меры против рабочих и крестьян» [Максименков, 2004, с. 258–259].

Борьбу с культом личности Сталин вел не слишком настойчиво. О безоговорочной капитуляции вождя в этой борьбе красноречиво свидетельствуют величавые титулы, присвоенные ему современниками. Среди них: «Корифей всех наук. <...> Гений человечества. Величайший гений всех времен и народов. Лучший друг советских физкультурников» и т.п. [Борев, 1991, с. 17].

Хоттабыч награждает Вольку не менее пышными званиями. Дворцы, подаренные пионеру, он украшает в соответствии со стилем сталинской эпохи: *«Хоттабыч <...> указал мальчику на полированные золотые доски, украшавшие сверху входы во дворцы. На каждой из них были высечены одни и те же надписи, от которых Вольку сразу бросило в жар и в холод: “Дворцы эти принадлежат благороднейшему и славнейшему из отроков этого города, красавцу из красавцев, умнейшему из умных, преисполненному неисчислимым достоинств и совершенств, непоборимому и непревзойденному знатоку географии и прочих наук, первейшему из ныряльщиков искуснейшему из пловцов и волейболистов, непобедимому чемпиону комнатного бильярда и пинг-понга — царственному юному пионеру Вольке ибн Алеше, да славится во веки веков имя его и имя его счастливых родителей”»* (Лагин, 1953, с. 69–70).

Волька, оставленный на переэкзаменовку по географии, именуется «непоборимым и непревзойденным знатоком географии и прочих наук». Это можно было бы считать за пародийный выпад в адрес недоучившегося семинариста, ставшего «корифеем всех наук». Однако Л. Лагин, похоже, всерьез поверил в намерение большевистской верхушки бороться с проявлениями культа, как поверил в это Л. Фейхтвангер, завершивший главу «Демократия и диктатура» ссылкой на постановления партийных комитетов Москвы и Ленинграда, «строго осуждающие “фальшивую практику ненужных и бессмысленных восхвалений партийных руководителей”», и со страниц газет исчезли чересчур восторженные приветственные телеграммы» [Фейхтвангер, 1937, с. 52].

Едва ли не самый известный документ, как будто бы доказывающий негативное отношение Сталина к культу личности – его письмо в «Детгиз» (февраль 1938 года) по поводу книжки В.В. Смирновой:

«Я решительно против издания “Рассказов о детстве Сталина”.

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, “добросовестные” брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. <...>

Советую сжечь книжку» [Поспелов, 1953, с. 21].

Письмо Сталина, хоть и не предназначавшееся для публикации, получило широкую огласку среди литераторов. Поразительнее всего, что на этот раз волю Хозяина дружно проигнорировали: поток возвеличивающих Сталина произведений ничуть не обмелел. По точному наблюдению Я. Плампера, «притворная скромность» Сталина «служила модели “нескромной скромности”» [Плампер, 2010, с. 190].

Чрезмерная резкость суждения вождя – не просто запретить, но сжечь книгу В.В. Смирновой – заставляет заподозрить неладное: так ли однозначна его позиция, таковы ли его истинные намерения? Ожидать, что приказ, отданный в столь экстравагантной форме, будет исполнен, наивно. Уже в 1939 году понадобился целый библиографический указатель «Детям о Сталине», составленный К.П. Кипарисовой.

Эталонным на раннем этапе формирования сталинианы стал очерк Беньямина Ивантера «На родине Сталина», опубликованный в журнале «Пионер» в начале 1938 года. Главный редактор «Пионера» «дал пример другим писателям, как трактовать <...> сложную тему» детства Сталина: «Молодому читателю становится ясно, что Сталин был избран судьбой с самых ранних лет» [Хеллман, 2006].

Один из полуофициальных титулов Сталина, считавшегося главным специалистом партии по национальному вопросу, – «освободитель народов». Еще в статьях 1918–1919 годов он призывал «Не забывайте Востока» и поставил перед большевиками задачу «разбить вековую спячку угнетенных народов Востока» и «поставить

социалистический маяк, <...> освещающий путь к освобождению измученных народов Востока» [Сталин, 1947, с. 172, 239].

Избранность Вольки явлена уже в том, что именно ему дано спасти из многотысячелетнего *«страшного заточения»* (Лагин, 1953, с. 12) Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, воплотившего в себе все могущество и всю беспомощность мистического Востока. В издании 1938 года Владимира Костылькова часто называют «Воля». Имя это действительно очень подходит герою-освободителю. Впрочем, другое значение слова «воля» – способность человека преодолевать любые препятствия для достижения собственных целей – Л. Лагин тоже учитывает. Симптоматично, что в последующих публикациях сказки вариант имени «Воля» используется гораздо реже, редуцируясь до «Вольки».

Во время арктического путешествия на ледоколе Волька фантазирует: *«Вмиг перед ним вырисовалась увлекательнейшая картина: корабль терпит бедствие, запасы пресной воды и продовольствия иссякают, но все экскурсанты и команда “Ладогои” держат себя мужественно и спокойно, как и надлежит советским людям. Но лучше всех ведет себя, конечно он – Волька Костыльков. О, Владимир Костыльков умеет смотреть в глаза опасности! Он всегда весел, он всегда внешне беззаботен, он подбадривает унывающих. А когда от нечеловеческого напряжения и лишений заболевает капитан “Ладогои” – Степан Тимофеевич, он, Волька, по праву берет руководство экспедицией в свои стальные руки...»* (Лагин, 1953, с. 211). Разумеется, эту мечту Волька легко мог бы осуществить с помощью Хоттабыча, но ведь «по праву» взять «в свои стальные руки» управление, сменив уставшего от «нечеловеческого напряжения» прежнего лидера, – это по сути значит занять место «Великого Кормчего», как любили именовать Сталина, начиная с середины 1930-х годов. На одном из самых известных плакатов той эпохи «Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!» (1933) Б. Ефимова Сталин изображен как раз за штурвалом корабля. Волька, в конце концов, оказался таким же «нескромным скромником», как Сталин. Уровень его претензий в данном случае таков, что автор не решился развивать сюжет в этом направлении.

Литература

Борев Ю. Сталиниада. Рига, 1991.

Глушенко И.В. Путешествия через пространство и время в книге Л. Лагина «Старик Хоттабыч» // Детские чтения. 2015. № 8.

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Часть I // Вопросы литературы. 2004. № 2.

Омраан А.Х. Аксиологические модели авторских сказок в русской литературе конца 1930 – 1950-х гг. (Л. Лагин, А. Волков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.

Поспелов П.Н. Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза // Вопросы истории. 1953. № 11.

Сталин И.В. Сочинения: В 13-и тт. М., 1947. Т. 4. Ноябрь 1917–1920.

Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.

Хеллман Б. Великий друг детей: Образ Сталина в советской детской литературе // История и повествование. М., 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.su/read/364674-istoriya-i-povestvovanie.html>.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М., 2016.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. London, 1957.

Список источников

Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.–Л., 1953.

References

Borev Ju. *Staliniada* [Staliniada]. Riga, 1991.

Glushhenko I.V. *Puteshestviya cherez prostranstvo i vremya v knige L. Lagina «Starik Hottabych»* [Travel Through Space and Time in the Book by L. Lagin *Old Man Khottabych*]. *Detskie chteniya* [Children's Reading]. 2015. No. 8.

Maksimencov L. *Ocherki nomenklaturnoj istorii sovetskoj literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Fejhtvanger i drugie). Chast' I* [Essays on the Nomenclature History of Soviet Literature. Western Pilgrims in the Stalinist Throne (Feuchtwanger and others). Pt. I]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2004. No. 2.

Omraan A.H. *Aksiologicheskie modeli avtorskih skazok v russkoj literature konca 1930 – 1950-h gg. (L. Lagin, A. Volkov)* [Axiological Models of Author's Fairy Tales in the Russian Literature of the late 1930 – 1950's. (L. Lagin, A. Volkov)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Voronezh, 2012.

Plamper Ja. *Alhimija vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of Power. The Cult of Stalin in the Visual Arts]. М., 2010.

Pospelov P.N. *Pjat'desjat let Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza* [Fifty Years of the Communist Party of the Soviet Union]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1953. No. 11.

Stalin I.V. *Sochinenija: v 13-i tt. T. 4. Nojabr' 1917–1920* [Compositions: in 13 vols. Vol. 4. November 1917–1920]. М., 1947.

Fejhtvanger L. *Moskva 1937. Otchet o poezdke dlja moih druzej* [Moscow 1937. Report on the Trip for my Friends]. М., 1937.

Hellman B. *Velikij drug detej: Obraz Stalina v sovetskoj detskoj literature* [The Great Friend of Children: The Image of Stalin in Soviet Children's Literature]. *Istorija i*

povestvovanie [History and Narration]. М., 2006. URL: <http://e-libra.su/read/364674-istoriya-i-povestvovanie.html>.

Hellman B. *Skazka i byl': Istorija russkoj detskoj literatury* [Fairy Tale and True story: History of Russian Children's Literature]. М., 2016.

Wittfogel K.A. *Oriental despotism: A Comparative Study of Total Power*. London, 1957.

List of sources

Lagin L. *Starik Hottabych* [Old Man Khottabych]. М.–Л., 1953.

СУБЪЕКТНОСТЬ И КОНТАКТНОСТЬ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ РОБЕРТА КРИЛИ

Л.А. Разгулина

Ключевые слова: американская поэзия, Роберт Крили, субъектность, контактность, общее место.

Keywords: American poetry, Robert Creeley, subjectivity, contact, common place.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-12

Роберт Крили (1926-2005) – американский поэт и прозаик, один из самых ярких и динамичных представителей неоавангарда второй половины XX века. Теснее всего его имя ассоциируется с т.н. Школой Черной горы, хотя некоторые критики, к примеру, Мэрджори Перлофф¹, не склонны причислять его к какой-либо школе. На 1950-е годы пришелся ранний, очень продуктивный период в творчестве Крили, его знакомство и дружба с поэтом и теоретиком Чарльзом Олсоном и активное взаимодействие с поэтическим сообществом Черной горы – в недрах экспериментального колледжа, носившего то же название. То и другое обстоятельство небезразлично для нашего исследования, так как на материале раннего сборника «For Love» (1962) нам предстоит рассмотреть тематику и проблематику коммуникации в творчестве Крили, точнее – интерсубъект(ив)ные

¹ См. например: Perloff M. The Radical Poetics of Robert Creeley. [Электронный ресурс]. URL: <http://marjorieperloff.com/essays/creeley-radical/>.